

таться черезъ нѣкоторое время безобразнымъ и въ первомъ мѣстѣ. Развѣ нельзя предположить, что въ вѣчно развивающемся чело-вѣчествѣ индивидуальныя способности вовсе не подлежатъ этому *отъчному* развитію, въ смыслѣ улучшенія, совершенствованія? Основательна ли увѣренность, что природа *человѣка* доступна нескончаемымъ перемѣнамъ?

Мы лично склоняемся къ противоположному мнѣнію, и въ подтвержденіе его могутъ послужить данныя, тщательно разработанныя нѣкоторыми изъ новѣйшихъ изслѣдователей въ области психофизиологіи.

По мнѣнію Герберта Спенсера, искусство коренится въ инстинктѣ борьбы, въ стремленіи къ побѣдѣ. Миротлюбивый игрокъ въ шахматы, самъ того не вѣдая, подчиняется этому инстинкту ¹⁾. Игра доставляетъ удовольствіе, потому что она даетъ осуществленіе расовымъ влеченіямъ; въ этому присоединяются пріятныя ощущенія, произтекающія для насъ изъ подражанія. *Игра* — упражненіе (безъ всякихъ практическихъ цѣлей) *дѣятельныхъ* способностей (бѣгъ, охота и т. п.); *искусство* — такое же упражненіе *воспринимающихъ* способностей. Но это раздѣленіе не выдерживаетъ критики. Въ декламациі артиста соединяются обѣ названныя группы способностей, и въ каждой игрѣ можно подмѣтить эстетическія черты (изящество, ловкость, и т. д.). Съ другой стороны, въ насъ возбуждаютъ удовольствіе красивыя движенія даже и у работающаго челоѣка, а не одни только симулированныя. Утомленный жонглеръ производитъ антиэстетическое впечатлѣніе, котораго совѣтъ не возбуждаетъ утомленный дровосѣкъ. Игра, можно сказать, опираясь на эти соображенія, далеко не составляетъ принципа искусства и нуждается, наоборотъ, въ оправданіи: зачѣмъ расходуется сила, для чего употребляются способности челоѣка? Въ дѣйствительности же бываютъ высокія прекрасныя цѣли, которыя требуютъ чрезмѣрной, непосильной затраты силъ. Такъ, несомнѣнно прекрасенъ измученный голецъ съ поля мараѳонской битвы, принесшій афинянамъ вѣсть о великой побѣдѣ и поплатившійся жизнью за это героическое усиліе. На все это указываетъ Гюйо.

Приведенныхъ замѣчаній французскаго писателя намъ кажется достаточно для того, чтобы избѣгнуть односторонности Спенсера, Грантъ-Алена и многихъ другихъ писателей, которые въ игрѣ видятъ источникъ искусства вообще. Этотъ вопросъ не имѣетъ,

¹⁾ Guyau: Le plaisir du beau et le plaisir du jeu, d'après l'école de l'évolution (Revue des deux mondes, 1881, 15 août).